

АПОСТОЛЬСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Rosarium Virginis Mariae

СВЯТОГО ОТЦА ИОАННА ПАВЛА II ЕПИСКОПАМ, ДУХОВЕНСТВУ И ВЕРНЫМ О СВЯТОМ РОЗАРИИ

Епископам, пресвитерам и диаконам, монашествующим и всем верным

Введение

1. Розарий Девы Марии (*Rosario Virginis Mariae*), постепенно сложившийся во втором тысячелетии под воздействием Духа Божия, — любимая молитва многих святых, поощряемая Учительством Церкви. Благодаря своей простоте и глубине она остается и в нынешнем, третьем тысячелетии молитвой, имеющей большое значение и приносящей плоды святости. Она органично включена в духовный путь христианства, спустя две тысячи лет не утратившего своей первоначальной новизны и слышащего, как Дух Божий призывает его «выплыть на глубину» (*Duc in altum!*), чтобы говорить и даже «кричать» миру о Христе как о Господе и Спасителе, как о «пути, истине и жизни» (Ин 14, 6), как о «цели человеческой истории, точке опоры, в которой сходятся идеалы истории и цивилизации».

Розарий, мариологический по форме, в действительности является молитвой с христологическим содержанием. В простоте своих элементов он сосредотачивает *глубину всей евангельской вести*, являясь, можно сказать, ее кратким изложением. В нем звучит эхо молитвы Марии, Ее непрерывное «*Величит душа Моя*» {«*Magnificat*») в ответ на искупительное дело Воплощения, начавшееся в Ее девственном лоне. С Розария христианский народ *начинает школу Марии*, приобщающую к созерцанию прекрасного лика Христа и переживанию глубины Его любви. Посредством Розария верующий достигает обилия благодати, словно получая ее прямо из рук Матери Искупителя.

Римские Понтифики и Розарий

2. Этой молитве придавали огромное значение многие из моих предшественников. Особая заслуга в этом отношении принадлежит Льву XIII, который 1 сентября 1883 обнародовал энциклику *Supremi apostolatus officio*³, торжественным провозглашением которой положил начало многочисленным публичным выступлениям, посвященным этой молитве, указывающим на нее как на действенное средство против болезней общества. Среди пап прошлого столетия, отличавшихся усердием в распространении молитвы Розария, я хочу вспомнить блаж. Иоанна XXIII, но более всего — Павла VI, который в апостольском обращении *Marialis cultus* подчеркнул, в духе II Ватиканского собора, евангельский характер Розария и его христологическую направленность.

Сам я тоже не упускал возможности поощрять частое чтение молитвы Розария. С юношеских лет эта молитва занимала важное место в моей духовной жизни. Моя недавняя поездка в Польшу, а прежде всего, посещение санктуария в Кальварии, живо напомнила мне об этом. Молитва Розария сопровождала меня в минуты радости и испытаний. Ей я препоручил многие заботы и тревоги, в ней я всегда находил поддержку. Двадцать четыре года назад, 29 октября 1978, спустя две недели после избрания на Апостольский Престол,

открывая свое сердце, я сказал так: «Это моя любимая молитва. Дивная молитва! Удивительная в своей простоте и глубине. [...] Можно сказать, что Розарий — это своего рода молитвенный комментарий к последней главе конституции *Lumen gentium* II Ватиканского собора, в которой говорится о предивном присутствии Матери Божией в тайне Христа и Церкви. Действительно, на фоне слов молитвы «Радуйся, Мария» перед нашим внутренним взором проходят главные моменты жизни Иисуса Христа. Вместе они составляют радостные, скорбные и славные тайны. Можно сказать, что они вводят нас в живое общение с Христом через Сердце Его Матери. В то же время наше сердце может собрать в этих десятках «Радуйся, Мария» молитвы Розария все события жизни отдельных людей, семьи, народа, Церкви и человечества, личную судьбу, судьбы ближних и тех, кто нам близок, кто находится в нашем сердце. Так в простой молитве Розария пульсирует ритм человеческой жизни».

Этими словами, мои дорогие братья и сестры, я придал *первому году моего Понтификата* повседневный ритм Розария. Сегодня, *в начале двадцать пятого года служения в качестве преемника Петра*, я хотел бы это повторить. Сколько милостей за эти годы я получил от Пресвятой Девы через Розарий! *Величит душа моя Господа!* — Я хочу вознести мое благодарение Господу словами Святейшей Матери. Под Ее защиту я отдал мое служение преемника Петра: *Весь Твой (Totus tuus)!*

Октябрь 2002 — октябрь 2003: Год Розария

3. Поэтому, вслед за размышлениями апостольского послания *Novo millennio ineunte*, в котором я пригласил Народ Божий после переживания Юбилея «вновь начать от Христа», я почувствовал необходимость представить размышления о Розарии, чтобы они стали мариологическим завершением этого апостольского послания, призывая к созерцанию лика Христа вместе с Его Пресвятой Матерью и под Ее руководством. Ибо чтение Розария — это не что иное, как *созерцание вместе с Марией лика Христа*. Чтобы особо отметить этот призыв, по случаю приближающегося 120-летия упомянутой энциклики Льва XIII, желательно, чтобы в различных христианских общинах в течение года особым образом предлагали эту молитву и открывали ее ценность. Поэтому я провозглашаю период с октября этого года по октябрь 2003 *Годом Розария*.

Вверяю это пастырское предписание инициативе отдельных церковных общин. Я хочу, чтобы оно не нарушило пастырские планы отдельных Церквей, а скорее дополнило их и упрочило. Надеюсь, что оно будет воспринято с должным расположением. Если вновь открыть истинное значение Розария, он приведет верующих к сердцу христианской жизни, даст повседневную и в то же время плодотворную духовную и воспитательную возможность личного созерцания, формирования Народ Божия и новой евангелизации. Я счастлив повторить это по случаю радостного воспоминания другой годовщины, а именно, 40-летия начала Вселенского II Ватиканского собора (11 октября 1962), огромной благодати, предуготованной Духом Божиим для Церкви нашего времени.

В ответ на возражения против Розария

4. Своевременность этой инициативы объясняется различными соображениями. Одно из них связано с острой необходимостью противостояния некоторому кризису Розария. В современном историческом и богословском контексте этой молитве грозит несправедливое умаление ее ценности, поэтому о ней редко говорят молодому поколению. Некоторые считают, что центральное положение Литургии, справедливо подчеркнутое II Ватиканским собором, обязательно приведет к уменьшению значения Розария. В действительности, как отметил Папа Павел VI, эта молитва не

противопоставляется Литургии, а *является опорой для нее*, поскольку направляет к ней и вторит ей эхом, помогая переживать ее в полноте внутреннего участия и видеть ее плоды в повседневной жизни.

Возможно, кое-кто опасается, что она недостаточно экуменична из-за своего ярко выраженного мариологического характера. Но она относится к самому широкому горизонту почитания Божией Матери, очерченному Собором. Это почитание, направленное к христологическому центру христианской веры, таково, что «когда почитают Мать, [...] обязательно познают, любят, прославляют и Сына». Вновь открытый должным образом Розарий становится поддержкой, а не преградой для экуменизма!

Созерцательная жизнь

5. Однако самой важной причиной для того, чтобы вновь призвать к молитве Розария, является ее огромная ценность: она помогает верующим в исполнении *задачи созерцания христианской тайны*, которую я предложил в апостольском послании *Novo millennio ineunte* как истинную и постоянную «педагогику святости»: «Существует потребность в христианстве, отличающемся, прежде всего, *искусством молитвы*». Когда в современной культуре, несмотря на множество препятствий, возникает, отчасти под влиянием других религий, потребность в новой духовности, как никогда важно, чтобы наши христианские общины стали «настоящими школами молитвы».

Розарий относится к одной из лучших и наиболее проверенных традиционных форм христианского созерцания. Это типичная медитативная молитва, появившаяся на Западе и соответствующая определенным образом «молитве сердца», или «Иисусовой молитве», возникшей на почве христианского Востока.

Молитва о мире и о семье

6. Некоторые исторические обстоятельства делают возвращение к молитве Розария особенно актуальным. Первое из них — это крайняя необходимость молить Бога о даре мира. О Розарии много раз говорилось моими предшественниками и мной самим как о молитве о мире. В этом тысячелетии, начавшемся со страшных событий террористического акта 11 сентября 2001 года, в тысячелетии, в котором ежедневно происходят кровавые акты насилия, вновь обрести Розарий означает погрузиться в созерцание Того, Кто «есть мир наш, соделавший из обоих [народов] одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду» (Еф 2, 14-15). Поэтому нельзя читать молитву Розария, не чувствуя себя соучастником служения делу мира, с особым вниманием к столь дорогой сердцу христиан земле Иисуса, страдающей по сей день.

В равной степени острую необходимость в молитве и заботе испытывает семья, составляющая часть общества, подстерегаемая на идеологическом и практическом уровне разрушительными силами, заставляющими опасаться за будущее этого фундаментального и неотъемлемого института, а потому и за судьбу всего общества. Возвращение к Розарию в христианских семьях в рамках более широкого пастырства семей должно стать эффективной помощью против разрушительного воздействия этого эпохального кризиса.

«Се, Мать твоя!» (Ин. 19, 27)

7. Многочисленные знаки свидетельствуют о том, насколько Пресвятая Дева и сегодня через эту молитву хочет проявлять материнскую заботу, которой умирающий Спаситель препоручил всех чад Церкви в лице возлюбленного ученика: «Жено! се, сын Твой!» (Ин

19, 26). Девятнадцатому и двадцатому веку известно много случаев, когда Матерь Христа различными способами давала почувствовать Свое присутствие и услышать Свой голос, чтобы призвать Народ Божий к этой форме созерцательной молитвы. Особым образом я хочу вспомнить о признанных Церковью чудесных явлениях в Лурде и Фатиме, святых местах, сохраняющих большое значение в жизни христиан и притягивающих многочисленных паломников, которые ищут утешение и надежду.

Вслед за свидетелями

8. Невозможно перечислить всех святых, нашедших в Розарии подлинный путь к святости. Достаточно вспомнить св. Людовика Марию Гриньона де Монфора, автора ценного труда о Розарии, и нашего современника о. Пия из Пьетрельчины, канонизировать которого мне недавно выпало счастье. Истинный апостол Розария, блаженный Бартоломей Лонго, обладал особой харизмой. Его путь святости опирался на услышанное в глубине сердца: «Кто проповедует Розарий — спасен!». Он почувствовал себя призванным построить в Помпеях храм, посвященный Деве Марии Святого Розария, на фоне развалин античного города, некогда едва затронутого христианской вестью и погребенного в 79 году извержением вулкана Везувия, выступившего из-под пепла много веков спустя, чтобы свидетельствовать о светлых и темных сторонах древней цивилизации.

Всеми своими трудами, в особенности произведением «Пятнадцать суббот», Бартоломей Лонго развил христологический и созерцательный дух Розария, находя особенную поддержку и ободрение в лице Льва XIII, «Папы Розария».

Глава I

Созерцать Христа вместе с Девой Марией

Лик, сияющий, как солнце

9. «И преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце» (Мф 17, 2). Евангельская сцена преображения Христа, в которой три апостола — Петр, Иаков и Иоанн — предстают восхищенными сияющим великолепием Спасителя, может быть воспринята как *образ христианского созерцания*. Устремить взор на лик Христа, познать тайну Его обыденного и скорбного человеческого пути, чтобы узреть Божественное сияние, окончательно открывшееся в Воскресшем и прославленном одесную Отца, — задача каждого ученика Христа, а значит, и наша. Созерцая этот лик, мы становимся открытыми для принятия тайны жизни Троицы, чтобы вновь и вновь ощутить любовь Отца и насладиться радостью Святого Духа. Таким образом, исполняются для нас слова св. Павла: «Мы же все, открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2 Кор 3, 18).

Дева Мария — образец созерцания

10. Прекраснейшим примером созерцания Христа является Дева Мария. Особым образом Ей принадлежит лик Сына, сформировавшегося в Ее лоне, приобретшего человеческое сходство с Ней, указывающее на еще большую духовную близость. Мария, как никто другой, посвящает себя созерцанию лика Христа с особым усердием. Ее духовный взор сосредотачивается на Нем уже в Благовещении, в зачатии от Святого Духа. В последующие месяцы Она начинает ощущать Его присутствие, предугадывать будущие черты Его лица. Родив Его в Вифлееме, Она воочию увидела лик Своего Сына, с нежностью спеленав и положив Его в ясли (ср. Лк 2, 7).

Она никогда не отводила от Него взгляда, полного поклоняющегося изумления. Иногда это был вопрошающий взгляд, как после обретения отрока Иисуса в храме: «Чадю! что Ты сделал с нами?» (Лк 2, 48), но всегда — это *проницательный взгляд*, читающий в глубине души Иисуса, воспринимающий сокровенные чувства и угадывающий решения, как произошло в Кане (ср. Ин 2, 5). Порой это *взгляд, исполненный боли*, прежде всего, у подножия Его креста. В некотором смысле это был взгляд «рождающей», ибо Мария не ограничилась участием в страданиях и смерти Единородного, но приняла нового сына, вверенного Ей в лице возлюбленного ученика (Ин 19, 26-27). Утром Пасхи это был *взгляд, сияющий радостью Воскресения*, и, наконец, *полный огня взгляд* во время сошествия Святого Духа в день Пятидесятницы (Деян 1, 14).

Воспоминания Девы Марии

11. Мария жила, обратив Свой взор на Христа, и каждое Его слово становилось для Нее сокровищем: «Сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем» (Лк 2, 18; ср. Лк 2, 51). Воспоминания об Иисусе, запечатленные в Ее душе, сопровождали Ее во всех обстоятельствах и мысленно возвращали Ее к разным мгновениям жизни рядом с Сыном. В каком-то смысле эти мысли были «розарием», который Она Сама непрерывно читала в дни Своей земной жизни.

И теперь, среди песнопений радости небесного Иерусалима, причины, по которым Она благодарит и прославляет Бога, остаются неизменными. Именно они вдохновляют Ее

материнскую заботу о странствующей Церкви, в которой Она, как глашатай Евангелия, продолжает развивать нить Своего «рассказа». *Мария вновь и вновь предлагает верным «тайны» Своего Сына*, желая, чтобы их созерцали, чтобы благодаря этому они явили всю свою спасительную силу. В молитве Розария христианская община погружается в воспоминание и созерцание вместе с Марией.

Розарий — созерцательная молитва

12. Из опыта Марии следует, что Розарий — это *ярко выраженная созерцательная молитва*. Без этого измерения он был бы искажен, как подчеркивал Папа Павел VI: «Без созерцания Розарий — это тело без души, подобное его чтение рискует превратиться в механическое повторение формул, противоречащее наставлению Иисуса: «Молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны» (Мф 6, 7). По своей природе чтение молитвы Розария требует спокойного ритма с перерывами на размышление, чтобы молящийся мог созерцать тайны жизни Господа, зримые через Сердце Той, Кто была ближе всех к Господу, чтобы открылось безграничное богатство этих тайн».

Стоит остановиться на этой глубокой мысли Павла VI, чтобы обозначились некоторые измерения Розария, наилучшим образом объясняющие его христологический характер.

Вспоминать Христа вместе с Девой Марией

13. Для Марии созерцание было, прежде всего, воспоминанием. Это слово следует понимать в библейском значении слова «память» (*zakar*), которое актуализирует деяния Бога в истории спасения. Библия — это пересказ спасительных событий, кульминацией которых является Сам Христос. Эти события — не только «прошлое», но и «*настоящее*» спасения. Особенным образом эта актуализация осуществляется в Литургии: то, что Бог совершил сотни лет назад, касается не только непосредственных свидетелей событий, но приходит со своим даром благодати к людям всех времен. Некоторым образом это касается и любой другой благочестивой практики, возвращающей верующих к этим событиям: «вспоминать» их в вере и любви — значит открываться для благодати, которую Христос снискал для нас тайной Своей жизни, смерти и воскресения.

Поэтому, подтверждая еще раз, вслед за II Ватиканским собором, что Литургия, которая есть исполнение священнического служения Христа и форма общественного почитания, — это «вершина, к которой направлена деятельность Церкви, и одновременно — источник всей ее силы», необходимо также помнить о том, что духовная жизнь «не исчерпывается одним участием в Литургии. Христианин призван к общинной молитве, а кроме того, он должен, затворив дверь своей комнаты, молиться Отцу, Который в тайне (ср. Мф 6, 6). Более того, он должен непрестанно молиться, как учит апостол Павел (ср. 1 Фес 5, 17)». Благодаря этой особенности Розарий является частью разнообразного сценария непрерывной молитвы, и если Литургия, дело Христа и Церкви, является *спасительным действием в полном смысле слова*, то Розарий, как размышление вместе с Марией о Христе, является *спасительным созерцанием*. Погружение от тайны к тайне в жизнь Искупителя способствует глубокому постижению всего, что Он сделал, и всего, что актуализируется Литургией, изменяя жизнь.

«Узнать» Христа с помощью Девы Марии

14. Христос — Учитель в полном значении этого слова, Податель откровения и Само Откровение. Речь идет не о том, чтобы усвоить то, чему Он учил, а о том, чтобы «*узнать*

Его». Какой учитель мог бы превзойти в этом Марию? Если в Божественной сфере Святой Дух является внутренним учителем, ведущим нас к полноте истины о Христе (ср. Ин 14, 26; 15, 26; 16, 13), то среди людей никто не знает Христа лучше Его Матери, никто так, как Она, не может привести нас к глубокому пониманию Его тайны.

Во время брака в Кане Галилейской, где вода была превращена в вино — первое из знамений, совершенных Христом, — Мария предстает именно в качестве учителя: Она наставляет слуг, чтобы они следовали указаниям Христа (ср. Ин 2, 5). Мы можем представить себе, что Она исполняла ту же роль по отношению к ученикам после Вознесения Иисуса, когда пребывала вместе с ними в ожидании Святого Духа и поддерживала их в первой миссии. Пройти тайны Розария вместе с Марией равносильно прохождению «школы» Марии: научиться «читать» Христа, проникать в Его тайны, понимать весть, которую они несут.

Мы убедимся, что школа Марии еще более эффективна, если представим себе, что Она ведет ее, испрашивая для нас обильные дары Святого Духа, и дает нам пример «паломничества веры», в котором Она — не имеющий себе равных Учитель. Перед каждой тайной Сына Она призывает нас в смирении задавать вопросы, открывающие путь свету, чтобы в итоге оказать послушание веры, подобно Ей Самой в Благовещении: «Се, раба Господня; да будет Мне по слову Твоему» (Лк 1, 38).

Сообразоваться со Христом вместе с Девой Марией

15. Отличительной особенностью христианской духовности является обязанность ученика все в большей степени уподобляться своему Учителю (ср. Рим 8, 29; Флп 3, 10.21). Излияние Духа Святого в крещении прививает верующего, словно побег, к виноградной лозе, которая есть Христос (ср. Ин 15, 5), делает его частью Его Мистического Тела (ср. 1 Кор 12, 12; Рим 12, 5). Тем не менее этому единству, возникающему с самого начала, должно сопутствовать возрастающее уподобление Ему, чтобы все, что делает ученик, было все более сообразовано с «логикой» Христа: «В вас должны быть те же чувства, какие и во Христе Иисусе» (Флп 2, 5). Ибо, согласно словам апостола, следует «облечься в Христа» (ср. Рим 13, 13; Гал 3, 27).

На духовном пути Розария, основанном на непрестанном созерцании вместе с Марией лика Христа, этот идеал, требующий сообразоваться с Ним, достигается непрерывным общением, которое мы могли бы назвать «дружеским». Оно естественным образом приобщает нас к жизни Христа и словно дает нам «дышать» Его чувствами. В связи с этим блаж. Бартоломей Лонго заметил: «Как два друга, часто бывая вместе, становятся похожими в своих привычках, так и мы, по-домашнему разговаривая с Иисусом и Марией в размышлении над тайнами Розария и через Причащение формируя свою жизнь по образу Их жизни, можем, насколько позволяют наши ничтожные способности, стать подобными Им и научиться, по Их наивысшему примеру, жить смиренно, бедно, незаметно, терпеливо и совершенно».

Чтобы в молитве Розария сообразовываться со Христом, мы вверяем себя особой материнской заботе Пресвятой Девы. Родительница Христа, Сама будучи «превосходным и исключительным членом» Церкви, является в то же время ее Матерью. И как Мать продолжает «рождать» детей Мистическому Телу Сына. Она совершает это Своим предстательством, неутомимо испрашивая для них излияние Духа. Она — *совершенный образ материнства Церкви*.

Мистическим образом Розарий переносит нас к Марии, заботящейся о человеческом возрастании Христа в доме в Назарете. Это дает ей возможность растить и воспитывать нас с той же заботой, до тех пор пока Христос не «сформируется» в нас полностью (ср. Гал 4, 19). Это действие Марии, полностью опирающееся на действие Христа и полностью от Него зависящее, «нисколько не препятствует непосредственному единству верных со Христом, но содействует ему». Это — очевидный принцип, выраженный II Ватиканским собором, который я глубоко пережил в своей жизни, сделав его фундаментом своего епископского служения: *Totus tuus (Весь Твой)*. Этот девиз, как известно, происходит из учения св. Людовика Марии Гриньона де Монфора, который так объяснял роль Марии в процессе уподобления каждого из нас Христу: «*Весь наш путь совершенства состоит в уподоблении, единении и посвящении себя Иисусу Христу*». Поэтому неоспоримо, что самым совершенным благочестием будет то, которое наиболее полным образом уподобляет, соединяет и посвящает нас Иисусу Христу. Поскольку Мария — наиболее уподобленное Христу творение, из всех видов благочестия почитание Марии, Его Святейшей Матери, наиболее посвящает и уподобляет душу нашему Господу, и, чем более душа посвящается Ей, тем более она посвящается Христу». Только в Розарии можно увидеть, как тесно переплелись пути Христа и Марии. Мария живет только во Христе и для Христа!

Просить Христа вместе с Девой Марией

16. Христос призвал нас настойчиво взывать к Богу в уповании на то, что мы будем услышаны: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите и отворят вам» (Мф 7, 7). Действенность молитвы заключается в доброте Отца, в ходатайстве Христа перед Ним (ср. 1 Ин 2, 1), а также в действии Святого Духа, Который «ходатайствует за нас» согласно замыслу Божию (ср. Рим 8, 26-27). «Ибо мы не знаем, о чем молиться» (Рим 8, 26), и иногда не получаем ответа, потому что «просим не на добро» (ср. Иак 4, 2-3).

Благодаря действию Христа и Святого Духа из нашего сердца исходит молитва, которую поддерживает Своим материнским заступничеством Мария. «Молитва Церкви словно поддерживается молитвой Марии». Действительно, если Христос, единственный Посредник, — Путь нашей молитвы, то Мария, чистейшее отражение Его, указывает Путь, и «в этом исключительном содействии Марии действию Святого Духа берет начало появившаяся в Церквях молитва к Святой Матери Божией, сосредоточенная на лице Христа, явленном в Его тайнах». Евангелие показывает действенность ходатайства Марии, представляющей Христу на браке в Кане Галилейской человеческие проблемы: «Вина нет у них» (Ин 2, 3).

Розарий — это и размышление, и просьба одновременно. Непрестанная мольба, обращенная к Матери Божией, основывается на уповании, что Ее материнским предстательством все можно испросить у сердца Сына. Она — «всемогущая по благодати», можем сказать мы, используя смелое выражение (которое следует правильно понимать) из произведения блаж. Бартоломея Лонго «*Мольба к Деве*». Это убеждение росло в христианском народе с евангельских времен, подтверждаемое жизненным опытом. Великий поэт Данте прекрасно выразил это в духе св. Бернарда: «Ты так властна, и мощь твоя такая, / что было бы стремить без крыл полет — / ждать милости, к тебе не прибегая». Когда в Розарии мы взываем к Марии, храму Святого Духа (ср. Лк 1, 35), Она предстает перед Отцом, исполнившим Ее благодатью, и перед Сыном, рожденным из Ее лона, молясь с нами и о нас.

Возвещать о Христе вместе с Девой Марией

17. Розарий — это *путь возвещения и постижения* тайны Христа, которая вновь и вновь открывается на различных уровнях христианского опыта. Образцом здесь является молитвенное и созерцательное представление, которое направлено к формированию ученика по Сердцу Христову. Действительно, если в молитве Розария все элементы используются соответствующим образом для действенного размышления, тогда время общей молитвы в приходе или санктуарии особым образом становится *прекрасной возможностью для катехизации*, которой должны уметь воспользоваться пастыри. Таким образом, Дева Розария продолжает Свое дело провозглашения Христа. История Розария показывает, как эта молитва использовалась, особенно доминиканцами, в трудные для Церкви периоды повсеместного распространения ереси. Сегодня нам брошены новые вызовы. Почему же нам не взять в руки четки с верой наших предшественников? Розарий сохраняет всю свою силу и остается заслуживающим внимания подспорьем в арсенале каждого хорошего евангелизатора.

Глава II

Тайны Христа — тайны Матери

Розарий — «краткое изложение Евангелия»

18. В созерцание лика Христа можно погрузиться, только слушая голос Отца, в Святом Духе, потому что «никто не знает Сына, кроме Отца» (Мф 11, 27). Находясь в окрестностях Кесарии Филипповой, Иисус, отвечая на исповедание Петра, точно определяет источник этой пронизательной интуиции, открывающей, Кто Он: «Не плоть и не кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах» (Мф 16, 17). А значит, необходимо откровение свыше. Однако, чтобы принять его, следует начать слушать: «Только тишина и молитва создают подходящую среду, в которой может созреть и развиваться наиболее истинное и последовательное знание этой тайны».

Розарий — один из традиционных путей христианской молитвы, направленной на созерцание лика Христа. Папа Павел VI описывал его так: «Это евангельская молитва, в центре которой стоит тайна искупительного Воплощения, а значит, Розарий — исключительно христологическая молитва. Ибо для нее характерно подобное литании повторение слов «Радуйся, Мария», которое становится непрерывным прославлением Христа, к Которому, как конечной цели, относятся и возвешение Ангела, и приветствие матери Иоанна Крестителя: «Благословен Плод чрева Твоего» (Лк 1, 42). Более того, повторение слов *Радуйся, Мария* — это основа, на которой развивается созерцание тайн. Христос, Которого призывает каждое «Радуйся, Мария», — Тот же Христос, на Которого нам указывают все тайны, — Сын Божий и Сын Девы».

Необходимое дополнение

19. Розарий в своей наиболее распространенной форме, одобренной церковными властями, указывает только на некоторые из многочисленных тайн жизни Христа. Подобный выбор был сделан согласно первоначальной схеме этой молитвы, образующейся из числа 150, соответствующего числу Псалмов.

Однако я полагаю, что для углубления христологического содержания Розария необходимо дополнение, которое даст отдельным верующим и общинам возможность охватить также и *тайны общественного служения Христа в период между Крещением и Страстями*, независимо от того, как они это дополнение расценят. Именно в этих тайнах мы созерцаем важные аспекты личности Христа, явившего людям полноту Божественного Откровения. Он, провозглашенный Отцом во время крещения в Иордане возлюбленным Сыном, возвещает пришествие Царства, о котором свидетельствует делами и говорит о его требованиях. Именно в годы общественного служения *тайна Христа раскрывается особенным образом как тайна света*: «Доколе Я в мире, Я свет миру» (Ин 9, 5).

Чтобы с полным правом Розарий можно было назвать «кратким изложением Евангелия», необходимо после воспоминания Воплощения и сокрытой жизни Христа (*радостные тайны*), прежде чем остановиться на скорби Страстей Господних (*скорбные тайны*) и на триумфе Воскресения (*славные тайны*), размышлять над некоторыми важными моментами общественного служения (*светлые тайны*). Это дополнение в виде новых тайн, не причиняющее ущерба никаким существенным традиционным аспектам этой молитвы, предназначено для того, чтобы оживить в христианской духовности интерес к

ней как к истинному погружению в глубину Сердца Христа, море радости и света, боли и славы.

Радостные тайны

20. Для первого цикла «радостных тайн» действительно характерна *радость, излучающаяся из события Воплощения*. Это проявляется в момент Благовещения, где приветствие, обращенное Гавриилом к Деве из Назарета, связано с призывом к мессианской радости: «Радуйся, Мария». К этому возведению подготавливает вся история спасения и, некоторым образом, вся история мира. Если план Отца действительно состоит в соединении всего во Христе (ср. Еф 1, 10), то Божественное благоволение, с которым Отец склоняется над Марией, чтобы сделать Ее Матерью Своего Сына, охватывает, некоторым образом, всю вселенную. В свою очередь, все человечество как бы участвует в *fiat (да будет)*, которым Она с готовностью отзывается на волю Бога.

В атмосфере ликования следует сцена встречи с Елизаветой, когда от голоса самой Марии и присутствия Христа в Ее чреве, «радостно заиграл» Иоанн (ср. Лк 1, 44). Радостью окрашена сцена в Вифлееме, в которой рождение Божественного Младенца, Спасителя мира, воспевается ангелами и возвещается пастухам как «великая радость» (Лк 2, 10).

Но уже две последние тайны, сохраняя оттенок радости, *предваряют знамения драмы*. Сретение не только выражает радость посвящения Младенца Богу и наполняет восхищением старца Симеона, но включает в себя также и пророчество о «знаке пререканий», которым станет Младенец для Израиля, и о мече, который пронзит душу Марии (ср. Лк 2, 34-35). Радостен и в то же время драматичен эпизод с двенадцатилетним Иисусом в храме. Здесь Он предстает в Своей Божественной премудрости, когда спрашивает и отвечает, будучи Тем, Кто учит. Откровение тайны Сына, полностью преданного делам Отца, является предвозвещением евангельского радикализма, когда даже самые дорогие человеку отношения приходят к кризису перед лицом абсолютных требований Царства. Иосиф и Мария, опечаленные и встревоженные, «не поняли сказанных Им слов» (Лк 2, 50).

Таким образом, размышление над радостными тайнами открывает причины и значение христианской радости: это значит устремить взор на реальность тайны Воплощения и на некое предвозвещение тайны спасительных Страстей. Мария ведет нас к пониманию тайны христианской радости, напоминая нам, что христианство — это, прежде всего, *euangheliion*, Благая Весть, центром и содержанием которой является личность Христа — Слова, ставшего плотью, единственного Спасителя мира.

Светлые тайны

21. Переходя от детства и жизни в Назарете к общественному служению Иисуса, созерцание ведет нас к тайнам, которые могут по праву называться «тайнами света». В действительности же *вся тайна Христа является светом*, а Он — «свет миру» (Ин 8, 12). Но это измерение открывается особым образом *в годы общественного служения*, когда Он возвещает Евангелие Царства. Я считаю, что справедливо можно считать тайнами, «полными света», следующие знаменательные моменты этого периода жизни Христа: 1. Его крещение в Иордане; 2. Его откровение о Себе на браке в Кане Галилейской; 3. Возвещение Царства Божьего и призыв к обращению; 4. Преображение на горе Фавор; 5. Установление Евхаристии, ставшей сакраментальным выражением Пасхальной тайны. На них я хочу указать христианской общине.

Каждая из этих тайн — это *откровение Царства, пришедшего уже в самой личности Иисуса*. Светлой тайной является, прежде всего, крещение в Иордане, где в тот момент, когда Иисус входит в воду и, будучи без греха, становится жертвой за наш грех (ср. 2 Кор 5, 21), отверзаются небеса и голос Отца возвещает, что Он — Сын возлюбленный (ср. Мф 3, 17 и пар.), а Святой Дух нисходит на Него, чтобы призвать Его к грядущему служению. Светлой тайной является первое знамение, данное в Кане (ср. Ин 8, 1-12), где Христос, превратив воду в вино, благодаря ходатайству Девы Марии — первой из уверовавших — открывает вере сердца учеников. Светлой тайной является проповедь Иисуса, во время которой Он возвещает приближение Царства Божьего и призывает к обращению (ср. Мк 1, 15), отпуская грехи всем, приближающимся к Нему с упованием (ср. Мк 2, 3—13; Лк 7, 47-48), давая начало тайне милосердия, которую Он Сам будет воплощать до скончания века, особенно через таинство примирения, доверенное Церкви. Следующая светлая тайна, в полном смысле этого слова, — это преображение, по преданию имевшее место на горе Фавор. Божественная слава освещает лик Христа, когда Отец свидетельствует о Нем перед охваченными восторгом апостолами, призывая их слушать Его (ср. Лк 9, 35 и пар.), и готовит их к переживанию вместе с Ним скорбного часа страданий, чтобы вместе с Ним они пришли к радости воскресения и к жизни, преображенной Святым Духом. Наконец, светлой тайной является установление Евхаристии, в которой Христос в Своем Теле и Крови под видом хлеба и вина становится пищей, «до конца» свидетельствуя о Своей любви к людям (Ин 13, 1), для спасения которых Он принесет Себя Самого в жертву.

В этих тайнах, за исключением брака в Кане Галилейской, *Мария остается в тени*. Евангелия лишь упоминают несколько раз о Ее случайном присутствии в тот или иной момент проповеди Иисуса (ср. Мк 3, 31-35; Ин 2, 12), ничего не сообщая о том, была ли Она в горнице в момент установления Евхаристии. Но Ее роль во время брака в Кане Галилейской словно зримо открывается на протяжении всего пути Христа. Откровение, данное о Нем в момент крещения в Иордане Самим Отцом и отраженное эхом в словах Иоанна Крестителя, в Кане Галилейской мы слышим из Ее уст, оно становится великим материнским наставлением, обращенным Ею к Церкви всех времен: «Что скажет Он вам, то сделайте» (Ин 2, 5). Это наставление представляет собой мариологический фон всех светлых тайн, являясь прекрасным вступлением к словам Христа и тем знамением, которые были явлены Им во время общественного служения.

Скорбные тайны

22. Тайнам страдания Иисуса Христа Евангелие придает большое значение. Всегда, особенно во время Великого поста, христианское благочестие через совершение Крестного пути обращалось к отдельным моментам Страстей Господних, интуитивно сознавая, что здесь — *кульминация откровения любви* и источник нашего спасения. Розарий призывает молящегося сосредоточить взор своего сердца на некоторых моментах страданий и пережить их вновь. Путь размышлений открывается Гефсиманией, где Христос переживает особенно мучительные минуты, принимая волю Отца, против которой могла бы взбунтоваться слабая плоть. Там на Христа обрушиваются все искушения человечества и Он видит все его грехи, чтобы сказать Отцу: «Не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк 22, 42). Его «да» перечеркивает «нет», сказанное прародителями в Эдемском саду. Чего стоило Ему принятие воли Отца, видно из последующих тайн, в которых путь на Голгофу, бичевание, увенчание тернием и смерть на кресте ввергают Его в наибольшее уничтожение: *Ecce homo!*

В этом уничтожении проявляется не только любовь Бога, но и само значение человека. *Ecce homo*: кто хочет постичь человека, должен суметь постичь его начало, его предназначение и его осуществление во Христе — Боге, унизившемся из любви «даже до

смерти, и смерти крестной» (Флп 2, 8). В скорбных тайнах верующий вновь и вновь переживает смерть Иисуса, пребывая у подножия креста рядом с Марией, чтобы вместе с Ней погружаться в океан любви Бога к человеку и ощущать всю ее возрождающую силу.

Славные тайны

23. «Созерцание лика Христа не может остановиться на изображении Распятого. Христос — Воскресший!». В Розарии всегда выражалось это переживание веры, призывая верующего выйти за пределы тьмы страдания, чтобы устремить взгляд на славу Христа в Воскресении и Вознесении. Созерцая Воскресшего, христианин *вновь открывает основы своей веры* (ср. 1 Кор 15, 14) и вновь переживает радость — не только радость апостолов, Магдалины и учеников в Эммаусе — тех, кому явился Христос, но и *радость Марии*, Которая не менее сильно должна была ощутить новую жизнь прославленного Сына. С момента взятия на небо и Она будет вознесена к той славе, в которой после вознесения Христос восседает одесную Отца, чтобы предвосхищать то, что предуготовано всем праведным в воскресении плоти. Наконец, увенчанная во славе, — что мы видим в последней славной тайне — сияет Она как Царица ангелов и святых, предвосхищение и вершина эсхатологической реальности Церкви.

В середине этого пути славы Сына и Матери находится Пятидесятница, третья славная тайна Розария, являющая Церковь как семью, собравшуюся вместе с Марией, оживотворенную сошествием Святого Духа и готовую к миссии евангелизации. Ее созерцание, как и созерцание других славных тайн, должно привести верующих ко все более живому осознанию своей новой жизни во Христе, внутри реальности Церкви — жизни, для которой образ Пятидесятницы — великая «икона». Таким образом, славные тайны оживляют в верных *надежду достичь конечной эсхатологической цели*, к которой они стремятся, будучи частью Народа Божьего, странствующего в истории. Это должно побуждать их смело свидетельствовать о «радостной вести», придающей смысл всей их жизни.

От «тайн» к «Тайне»: путь Марии

24. Циклы размышлений, предлагаемые святой молитвой Розария, конечно, не исчерпывающи, они лишь указывают на то, что существенно, ведя дух «вкусить познание Христа», которое непрерывно черпается из чистого источника Евангелия. Каждая из отдельных черт Христа, изображенных Евангелистами, сияет блеском Тайны, превосходящей всякое знание (ср. Еф 3, 19). Это Тайна Слова, ставшего плотью, в котором «обитает вся полнота Божества телесно» (Кол 2, 9). Поэтому Катехизис Католической Церкви делает такой акцент на тайнах Христа, напоминая, что «все в жизни Христа является знаком Его Тайны». Призыв Церкви в третьем тысячелетии — *«duc in altum»* — соразмеряется со способностью христиан к «совершенному разумению для познания тайны Бога и Отца и Христа, в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (ср. Кол 2, 2-3). К каждому крещеному обращено горячее пожелание из Послания к Эфесянам: «Да даст [...] верою вселиться Христу в сердца ваши, чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть [...] и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божией» (Еф 3, 16-19).

Розарий служит этому идеалу, открывая «секрет», как легче всего встать на путь глубокого и захватывающего познания Христа. Мы могли бы назвать его *путем Марии*. Этот путь — пример Девы из Назарета, женщины веры, тишины и внимания. В то же время это путь почитания Марии, вдохновляемого сознанием неразрывности связи Христа

с Его Пресвятой Матерью: некоторым образом *тайны Христа* — это *тайны Марии*, даже когда Она не является их непосредственным участником, потому что Она живет Им и для Него. В молитве «Радуйся, Мария» слова архангела Гавриила и святой Елизаветы становятся нашими, и мы чувствуем себя побуждаемыми вновь и вновь искать в Марии, в Ее объятиях, в Ее сердце «благословенный Плод Ее чрева» (ср. Лк 1, 42).

Тайна Христа, тайна человека

25. В уже упомянутом свидетельстве 1978 года, где сказано о Розарии как о моей любимой молитве, я выразил мысль, к которой хотел бы вернуться. Тогда я сказал, что «в простой молитве Розария пульсирует ритм человеческой жизни».

Подытоживая размышления о Христе, можно сделать более понятным *антропологическое следствие Розария*. Это следствие настолько же радикально, насколько на первый взгляд незаметно. Кто начинает созерцать Христа, размышляя над этапами Его жизни, тот не может не постичь в Нем *истину о человеке*. Это важное утверждение II Ватиканского собора, которое, начиная с энциклики *Redemptor hominis*, стало предметом моего учительства: «В действительности, тайна человека истинно освещается только в тайне воплощенного Слова». Розарий помогает открыться этому свету. Следуя путем Христа, в Котором путь человека прошел «переоглавление», был искуплен и открыт, верующий становится перед образом истинного человека. Он созерцает Его рождение, учась святости жизни; смотрит на дом в Назарете, осознавая первоначальную истину о семье согласно замыслу Божьему; слушает Учителя в тайнах общественного служения, достигая света, чтобы войти в Царство Божие; следует за Ним по дороге на Голгофу, постигая смысл спасительных страданий. И, наконец, созерцая Христа и Его Матерь во славе, он увидит цель, к которой призван каждый из нас, если позволит Святому Духу исцелить и преобразить себя. Следовательно, можно сказать, что каждая тайна Розария, если размышлять над ней должным образом, освещает тайну человека.

В то же время так естественно захватить на встречу со святой человеческой природой Искупителя наши многочисленные проблемы, страхи, трудности и планы, всё, что характерно для жизни человека. «Возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя» (Пс 55, 23). Размышлять с Розарием — значит вверить наши тревоги милосердным сердцам Иисуса и Марии, Его Матери. Двадцать пять лет спустя, вспоминая свои испытания, которых было достаточно в моем служении преемника Петра, я чувствую, что должен еще раз подтвердить и настойчиво призвать всех лично пережить, что в Розарии воистину «пульсирует ритм человеческой жизни», чтобы согласовать ее с ритмом Божественной жизни в радостном общении со Святой Троицей, к которому мы предназначены и которого так страстно жаждем.

Глава III Для меня жизнь — Христос

Розарий — путь постижения тайны

26. Розарий предлагает особый способ размышления над тайнами Христа, по своей природе способствующий их постижению. Этот метод *основан на повторении*. Прежде всего это относится к молитве *Радуйся, Мария*, повторяемой десять раз в каждой тайне. Если посмотреть поверхностно на это повторение, Розарий может показаться скучной и сухой молитвой. Однако можно прийти к совершенно другому пониманию Розария, если считать его выражением любви, которая никогда не устает возвращаться к любимому с теплыми чувствами, которые, хотя и похожи в своем проявлении, всегда новы из-за наполняющей их нежности.

В Христе Бог воистину принял «сердце из плоти». У Него не только Божественное Сердце, изобилующее милосердием и прощением, но и человеческое сердце, способное к различным чувствам. Если нам нужно евангельское свидетельство об этом, без большого труда мы можем найти его в трогательном диалоге Христа с Петром после воскресения: «Симон Ионин! любишь ли ты Меня?». Трижды задан этот вопрос и трижды дан ответ: «Господи!

Ты знаешь, что я люблю Тебя» (ср. Ин 21, 15-17). Помимо основного, столь важного для миссии Петра, смысла этого отрывка, ни для кого не остается незамеченной красота этого *троекратного повторения*, в котором настойчивый вопрос и соответствующий ответ выражаются словами, близкими всему опыту человеческой любви. Чтобы понять Розарий, следует войти в психологическую динамику, свойственную любви.

Ясно одно: если повторение молитвы *Радуйся, Мария* обращается непосредственно к Марии, то с Ней и через Нее, в конечном счете, становится актом любви, обращенной к Иисусу. Повторение питается стремлением ко все большему уподоблению Иисусу, что является истинной «программой» христианской жизни. Святой Павел изложил эту программу во вдохновенных словах: «Для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение» (Флп 1, 21). И еще: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал 2, 20). Розарий помогает нам расти в этом уподоблении вплоть до славы святости.

Результативный метод...

27. Нет ничего удивительного в том, что взаимоотношения с Христом можно установить при помощи какого-то конкретного метода. Бог сообщает Себя человеку, бережно обходясь с нашей природой и событиями нашей жизни. Поэтому христианская духовность, знающая более возвышенные формы мистического молчания, в котором все образы, слова и жесты как бы возвышаются посредством интенсивного невыразимого единства человека с Богом, как правило, характеризуется участием всей личности во всей ее сложной психофизической и взаимоотношенческой реальности.

Это вполне очевидно явствует из *Литургии*. Таинства и сакраменталии образуются из ряда обрядов, привлекающих к участию различные измерения личности. Так же обстоит и с нелитургической молитвой. Это подтверждается тем, что на Востоке наиболее характерная молитва христологического размышления, сосредотачивающаяся на словах «Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного», традиционно связана с

дыхательным ритмом, который, способствуя стойкости во взывании, как будто материализует желание того, чтобы Христос стал всем — дыханием и душой жизни.

... который, тем не менее, может быть улучшен

28. В апостольском послании *Novo millennio ineunte* я напомнил, что сейчас на Западе существует *новая потребность в размышлении*, практика которого иногда приобретает в других религиях довольно привлекательные формы. Среди христиан немало тех, кто, мало зная о христианской традиции созерцания, соблазняется ими. Они же, в свою очередь, помимо позитивных элементов, которые иногда могут интегрироваться с христианским опытом, часто скрывают в себе неприемлемый идеологический фон. И в этих практиках большой популярностью пользуется нацеленная на высокую духовную концентрацию методика, применяющая технику психофизического характера на основе повторения и символики. Розарий укладывается в общую картину религиозной феноменологии, но при этом он обладает характерными чертами, отвечающими требованиям христианской специфики.

В действительности он не что иное как *метод созерцания*. И будучи методом, он используется для достижения цели, но не должен стать самоцелью. Будучи плодом многовекового опыта, он не может недооцениваться как метод. В его защиту свидетельствует опыт многочисленных святых, но это не означает, что он не может быть улучшен. Именно этому послужат дополнение общего цикла тайн новым рядом *mysteria lucis* — *светлых тайн* и некоторые соответствующие рекомендации к чтению Розария, предлагаемые мной в этом документе. Относясь с уважением к общепринятой структуре этой молитвы, я хотел бы с их помощью помочь верным лучше понять Розарий в его символических аспектах, в гармонии с требованиями повседневной жизни. В противном случае возникает риск того, что Розарий не только не принесет долгожданных духовных плодов, но и сами четки, на которых он обычно читается, станут одним из амулетов или магических предметов, утратив свой истинный смысл и предназначение.

Провозглашение тайны

29. Провозглашение названия тайны (при этом хорошо иметь возможность смотреть на представляющую ее икону) подобно *открытию занавеса над сценой*, на которой нужно сосредоточить внимание. Слова ведут воображение и дух к конкретному событию или моменту жизни Христа. В Церкви сформировалась духовность почитания икон и многочисленные благочестивые практики, в том числе и метод, который предложен св. Игнатием Лойолой в *Духовных упражнениях*, связанные с чувственными образами. Они прибегали к зрительному элементу и воображению (*compositio loci*), которые были для них большим подспорьем в достижении концентрации духа на тайне. Эта методика *соответствует логике Воплощения* — Бог пожелал во Христе принять человеческие черты. Именно через Его телесную реальность мы приближаемся к Его Божественной тайне.

Провозглашение различных тайн Розария отвечает требованию конкретности. Конечно, они не заменяют Евангелия и даже не отражают всего его содержания. Поэтому Розарий не заменяет *lectio divina*, а наоборот, предполагает его и способствует ему. Несмотря на то что тайны, о которых мы размышляем в молитве Розария, даже дополненные *светлыми тайнами*, ограничиваются главными фрагментами жизни Христа, душа с легкостью может перейти от них к остальному содержанию Евангелия, прежде всего, когда чтение Розария сопровождается продолжительным молитвенным сосредоточением.

Слушание слова Божьего

30. Чтобы дать библейскую основу и большую глубину размышлению, после названия тайны может следовать *чтение соответствующего отрывка из Библии*, который, в зависимости от обстоятельств, может быть большего или меньшего объема. Никакие другие слова не имеют такой силы, как слово богодухновенное. Его слушают с уверенностью, что это — слово Божие, сказанное на сегодняшний день «для меня».

Выслушанное таким образом, оно является частью методики повторения Розария, не вызывая скуки, появляющейся из-за простого повторения давно усвоенной информации. Но при этом речь идет не о том, что нужно что-то вспомнить, а чтобы *дать Богу «говорить»*. По торжественным случаям Слово может сопровождаться кратким комментарием.

Молчание

31. *Молчание питает слушание и размышление*. После объявления названия тайны и чтения Слова уместно задержаться на некоторое время, чтобы устремить взор на созерцаемую тайну, прежде чем начать устную молитву. Вновь открыть ценность тишины — один из секретов размышления и созерцания. Одним из недостатков общества высоких технологий и средств массовой информации является трудность, с которой обретается тишина. Так же, как во время Литургии, где рекомендуется сохранять молчание в определенные моменты, в молитве Розария уместна небольшая пауза после чтения слова Божьего, чтобы дух сосредоточился на содержании конкретной тайны.

«Отче наш»

32. После слушания Слова и сосредоточения на тайне естественным образом *дух возносится к Отцу*. В каждой из Своих тайн Иисус ведет нас к Отцу, к Которому Он непрестанно обращается, потому что в Его лоне Он пребывает (ср. Ин 1, 18). Он хочет привести нас к близким отношениям с Отцом, чтобы мы вместе с Ним взывали: «Авва, Отче!» (Рим 8, 15; Гал 4, 6). С Отцом связано и то, что Иисус делает нас братьями и сестрами Себе и друг другу, посылая нам Духа, Который исходит одновременно и от Него, и от Отца. Молитва «Отче наш», находясь в основе христологического и мариологического размышления, осуществляющегося в повторении «Радуйся, Мария», делает размышление над тайной делом Церкви, даже если оно проходит в уединении.

Десять молитв «Радуйся, Мария»

33. Этот элемент занимает наибольшую часть Розария и потому делает его мариологической молитвой в полном смысле слова. Именно в свете правильно понятой молитвы «Радуйся, Мария» можно увидеть, что мариологический характер не только не противопоставляется христологическому, но напротив, подчеркивает и превозносит его. Действительно, первая часть молитвы «Радуйся, Мария», основанная на обращенных к Марии словах архангела Гавриила и святой Елизаветы, является созерцанием тайны, совершающейся в Деве из Назарета. Можно сказать, что они выражают восхищение небес и земли и, некоторым образом, — восхищение Бога, созерцающего с радостным взором, наподобие описанного в книге Бытия (ср. Быт 1, 31), Свой шедевр — воплощение Сына в девственном лоне Марии, с тем же *«воодушевлением»*, с которым Бог на заре творения смотрел на дело Своих рук». Повторение молитвы «Радуйся, Мария» в Розарии погружает нас в восхищение Бога, в ликование и изумлении мы узнаем величайшее чудо истории.

Оно — исполнение пророчества Марии: «Отныне будут ублажать Меня все роды» (Лк 1, 48).

Имя Иисус — средоточие молитвы «Радуйся, Мария», оно словно связующее звено между первой и второй частью. Иногда во время поспешного чтения этот центр теряется из виду, и вместе с ним — связь с тайной Христа, над которой размышляют в данный момент. Но плодотворное и выразительное чтение Розария отличается именно акцентом на имени Иисуса и на Его тайне. Уже Павел VI в апостольском обращении *Marialis cultus* упоминал практикующийся в некоторых регионах обычай подчеркивать имя Христа, добавляя воззвание, связанное с тайной, над которой размышляют. Этот обычай достоин похвалы, особенно если практикуется публично. Он прекрасно выражает христологическую веру, относящуюся к отдельным моментам жизни Искупителя. Это *исповедание веры* и в то же время — помощь в размышлении, в котором мы переживаем тайну Христа благодаря повторению «Радуйся, Мария». Повторять имя Иисуса, единственное имя, в котором дана надежда на спасение (ср. Деян 4, 12), переплетенное с именем Пресвятой Матери, как бы позволив Ей подсказывать его нам, — это путь уподобления, погружающего нас все глубже в жизнь Христа.

Из особенной связи с Христом, сделавшей Марию Матерью Божьей (*Theotokos*), проистекает сила мольбы, с которой мы обращаемся к Ней во второй части молитвы, веря Её материнскому предстательству нашу жизнь и час смерти.

«Слава»

34. Славословие Пресвятой Троицы — цель христианского созерцания. А Христос — путь, ведущий нас в Духе к Отцу. Если идти этим путем до конца, мы всегда будем оказываться перед тайной трех Божественных Лиц, чтобы прославлять, поклоняться и благодарить. Очень важно, чтобы *славословие* — *кульминация созерцания* — было должным образом обозначено в молитве Розария. Во время совместной молитвы славословие может петься, чтобы подчеркнуть эту структурную перспективу, характеризующую все христианские молитвы.

В той мере, насколько размышление над тайной было внимательным, глубоким и подвижным от одной молитвы «Радуйся, Мария» к другой любовью к Христу и Марии, прославление Пресвятой Троицы в конце каждой тайны не превратится в поспешное завершение, а приобретет свойственный ему созерцательный характер, вознося дух к вершинам Рая, словно давая нам пережить то, что произошло на горе Фавор, предвосхищение будущего созерцания: «Хорошо нам здесь быть» (Лк 9, 33).

Заключительное воззвание

35. В общепринятой практике чтения Розария после прославления Троицы следуют заключительные воззвания, варьирующиеся в зависимости от местных обычаев. Не умаляя ценности этих воззваний, нужно отметить, что созерцание тайн будет более плодотворным, если будет проявлена забота о том, чтобы каждая тайна завершалась *молитвой об обретении духовных плодов размышления над ней*. Таким образом связь Розария с христианской жизнью выразится с большей убедительностью. Об этом говорит и прекрасная литургическая молитва, призывающая нас просить, чтобы, размышляя над тайнами Розария, мы могли «подражать тому, что в них заключено, и обрести то, что в них обещано».

В этой молитве допускается оправданное разнообразие. Таким образом Розарий приобретает облик, приемлемый для различных духовных традиций и христианских общин. Поэтому желательно, чтобы с должным пастырским благоразумием распространялись наиболее важные идеи, предложенные в этом документе. Их можно использовать в общинах и санктуариях, посвященных Деве Марии, где проявляется особое внимание к Розарию, чтобы народ Божий мог воспользоваться истинными духовными богатствами, питая ими свое созерцание.

Четки

36. Для чтения молитвы Розария традиционно используются четки. Довольно часто в поверхностной практике они становятся простым инструментом для счета следующих друг за другом молитв «Радуйся, Мария». Однако они могут выражать определенную символику, придающую дополнительный смысл размышлению.

В связи с этим в первую очередь следует отметить, что *четки сходятся к Распятию*, открывающему и завершающему путь молитвы. В Христе сосредотачивается жизнь и молитва верующих. Все исходит от Него, все направляется к Нему, все через Него, в Святом Духе, приходит к Отцу.

Помогая счету, отмеряя ритм следования молитвы, четки напоминают о непрерывном пути созерцания и христианского совершенства. Блаженный Бартоломей Лонго называл их «цепью», связывающей нас с Богом. Да, это цепь, но цепь сладостная, потому что соединяет нас с Богом, нашим Отцом. Это сыновние узы, объединяющие нас и с Марией, «Рабой Божией» (Лк 1, 38), и наконец с — Самим Христом, Который, будучи Богом, стал «слугой» из любви к нам (ср. Флп 2, 7).

Замечательно также и понимание символического значения четок как образа наших взаимоотношений — это символ уз общения и братства, объединяющих всех во Христе.

Начало и завершение

37. В сегодняшней практике начало чтения Розария может быть разным в различных церковных общинах. В некоторых регионах принято начинать его возванием из Псалма 69: «Поспеши, Боже, избавить меня! Поспеши, Господи, на помощь мне!», словно укрепляя в молящемся смиренное осознание собственной нищеты. В других местах Розарий начинается чтением молитвы «Верую», а исповедание веры словно становится точкой начала пути созерцания. Эти и другие традиции чтения Розария приемлемы в той мере, в какой они отвечают духу созерцания. Чтение завершается молитвой в духовном единстве с Папой Римским, чтобы обратить взор молящегося на многочисленные нужды Церкви. Именно для того, чтобы поощрить к такому экклезиологическому видению Розария, Церковь обогатила его святыми индульгенциями, предоставляемыми тем, кто молится в должном направлении.

Действительно, Розарий, переживаемый подобным образом, становится духовным путем, на котором Мария становится Матерью, учителем и наставницей, поддерживает верующего Своим могущественным предстательством. Можно ли удивляться, что в конце этой молитвы душа, глубоко пережившая, что значит быть чадом Марии, чувствует необходимость воспеть славу Марии в прекрасной молитве «*Salve Regina*» или в Лоретанской литании? Это увенчание внутреннего пути, приведшего верного к живой связи с тайной Христа и Его Пресвятой Матери.

Расстановка во времени

38. Полный Розарий можно читать ежедневно, и немало людей, делающих это. С ним наполняются молитвой дни тех, кто проводит свою жизнь в созерцании, он сопутствует также больным и пожилым людям, располагающим временем в изобилии. Очевидно, что с добавлением нового цикла светлых тайн многие смогут читать только его часть, согласно определенному недельному циклу. Распределение отдельных тайн по дням недели придает им определенную духовную «окраску», как и Литургии — различные периоды литургического года.

Согласно общепринятой практике, понедельник и четверг посвящены радостным тайнам, вторник и пятница — скорбным тайнам, а среда, суббота и воскресенье — славным тайнам. К каким дням отнести светлые тайны? Принимая во внимание, что славные тайны повторяются в субботу и воскресенье, а суббота — день, традиционно посвященный Деве Марии, рекомендуется перенести на субботу второе размышление радостных тайн, в которых присутствие Марии выражено ярче. Четверг, таким образом, остается свободным, и его можно посвятить размышлению над светлыми тайнами.

Это указание не должно ограничивать ни свободы личного или общинного размышления, согласованной с пастырскими и духовными соображениями, ни литургии текущего дня, подсказывающей иной вариант молитвы. Действительно важно то, чтобы Розарий все больше и больше воспринимался и переживался как созерцательный путь. Благодаря ему, как дополнению совершаемого в Литургии, неделя христианина, начинающаяся со дня воскресения Господня, становится путем, ведущим через тайны жизни Христа, Который являет Себя в жизни учеников как Господь времени и истории.

Заключение

«Благословенный Розарий Марии, сладостные узы, связывающие нас с Богом»

39. Сказанное выше широко раскрывает богатство этой традиционной молитвы, простой, как народная молитва, и в то же время скрывающей в себе богословскую глубину молитвы для тех, кто нуждается в более зрелом созерцании.

Церковь всегда признавала особую действенность этой молитвы, доверяя ей, ее общинному чтению, ее неизменной практике, самые большие трудности. Когда христианству угрожали опасности, силе этой молитвы приписывалось спасение от зла, а Деву Розария считали Той, Кто испросил это спасение.

Сегодня действенности этой молитвы я охотно поручаю, как уже заметил вначале, дело мира на земле и мира в семьях.

Мир

40. Трудности, появляющиеся в мировом сообществе в начале нового тысячелетия, приводят нас к мысли, что только вмешательство свыше, способное управлять сердцами всех живущих в конфликтных ситуациях и тех, в чьих руках находятся судьбы народов, может дать надежду на более светлое будущее. Розарий — это *молитва, ориентированная по своей природе на мир*, поскольку она заключается в созерцании Христа, Князя мира, и «мира нашего» (Еф 2, 14). Кто стремится переживать тайну Христа (Розарий ведет именно к этому), тот понимает тайну мира и делает его планом собственной жизни. Впрочем, в силу своего созерцательного характера, Розарий спокойным чередованием молитв «Радуйся, Мария» производит на молящегося умиротворяющее действие, располагающее его принять, пережить в глубине своего сердца и распространять вокруг себя истинный мир, особый дар Воскресшего (ср. Ин 14, 27; 20, 21).

Мы называем Розарий молитвой о мире также и по плодам милосердной любви, которые он приносит. Прочитанный как истинная созерцательная молитва, Розарий, содействуя встрече со Христом в Его тайнах, не может не указывать на лик Христа в братьях, прежде всего в страждущих. Можно ли в радостных тайнах созерцать тайну Младенца, рожденного в Вифлееме, не испытывая при этом желания принять жизнь, оберегать ее и заботиться о ней, принимая на себя бремя страданий детей во всем мире? Можно ли следовать в светлых тайнах за Христом, Подателем Откровения, и не поставить перед собой задачи свидетельствовать о Его заповедях блаженства каждым днем своей жизни? И как созерцать Христа, обремененного крестом, а затем распятого, не чувствуя необходимости стать Его «киринеянином» ради братьев, переживающих горе или сломленных отчаянием? И, в конце концов, как можно было бы созерцать славу воскресшего Христа и Марии, увенчанной как Царица, и не желать сделать этот мир прекраснее, справедливее и ближе замыслу Божьему?

Розарий, обращая наш взор к Христу, делает нас миротворцами на земле. Являясь непрестанной общей молитвой, согласно призыву Христа «всегда молиться и не унывать» (Лк 18, 1), он дает нам надежду, что и сегодня в столь тяжелой борьбе за мир может быть одержана победа. Далекий от того, чтобы быть бегством от проблем мира, Розарий побуждает нас смотреть на них с ответственностью, дает нам силу возвращаться к ним с

твердым упованием на помощь Божию, с твердым решением в любых обстоятельствах свидетельствовать о любви, «которая есть совокупность совершенства» (Кол 3, 14).

Семья: родители...

41. Розарий, молитва о мире, всегда был и *молитвой семьи и о семье*. Когда-то эта молитва была особенно дорога христианским семьям и несомненно способствовала их единству. Столь драгоценное наследие никак нельзя утратить. Следует вернуться к тому, чтобы молиться в семьях и о семьях, используя эту форму молитвы.

Так же, как в апостольском послании *Novo millennio ineunte* я призывал мирян к тому, чтобы совершение Литургии Часов стало частью жизни их приходских общин и различных групп христиан, так я хочу поступить и с Розарием. Речь идет не об альтернативных, а о двух взаимодополняющих путях христианского созерцания. Особенно я прошу всех, кто посвятил себя пастырской опеке над семьями, с убеждением призывать к чтению молитвы Розария.

Семья, молящаяся в согласии, пребудет в согласии. Согласно древней традиции, святой Розарий представляет собой молитву, особенно способствующую тому, чтобы семья собиралась вместе, направляя взор к Иисусу, чтобы обрести способность смотреть в глаза друг другу по-новому, чтобы общаться и переживать единство, чтобы прощать друг другу, чтобы начать все сначала в согласии и любви, обновленной Духом Божиим.

Многие проблемы современных семей, особенно в экономически развитых сообществах, вызваны возрастающими трудностями в общении. Людям все труднее собраться вместе, а редкие моменты, когда им это удается, поглощены просмотром телевизора. Вновь начать в семье читать Розарий — это значит внести в повседневную жизнь образы спасительной тайны, образ Христа Искупителя, образ Его Пресвятой Матери. Семья, читающая совместно Розарий, в некоторой степени воспроизводит атмосферу дома в Назарете: Иисус находится в центре, с Ним делятся радостями и печалью, в Его руки отдаются свои намерения и чаяния, Он дарует надежду и силы для дальнейшего пути.

... и дети

42. Полезно доверить этой молитве и *направление развития детей*. Разве сам Розарий — не путь жизни Христа с момента зачатия до смерти, воскресения и прославления? Сегодня родителям становится все труднее понять детей на различных этапах их жизни. В обществе высоких технологий, средств массовой информации и глобализации все процессы ускоряются, и дистанция между поколениями непрерывно увеличивается. Разнообразная информация и самые неожиданные переживания быстро входят в жизнь молодежи и подростков, а опасности, грозящие им, наполняют родителей тревогой. Нередко родители испытывают глубокое потрясение, видя, как их дети не могут противостоять соблазну наркотиков и привлекательности несдерживаемого гедонизма, искушению жестокости, многочисленных примеров бесцельности и отчаяния.

Чтение молитвы Розария *о детях* и, более того, *с детьми* приучает их с малых лет к этому ежедневному «перерыву для молитвы» семьи. Это, конечно, не решит всех проблем, но все же будет подспорьем, которое нельзя недооценивать. Можно возразить, что Розарий кажется молитвой, не соответствующей вкусу современной молодежи. Но, возможно, подобное возражение опирается на представление о небрежном чтении молитвы. В остальном, при сохранении ее основной структуры, ничто не препятствует обогатить чтение молитвы Розария для детей и молодежи, как в семье, так и в группах,

необходимыми символическими и практическими элементами, которые помогут им лучше понимать и ценить Розарий. Почему же не попытаться это сделать? Активное пастырское попечение над молодежью, увлеченное и творческое, способно с помощью Божией сделать что-то действительно значимое, и Всемирные молодежные встречи прекрасно показали мне это. Я уверен, что если правильно представить Розарий, молодежь сможет вновь удивить взрослых, приняв эту молитву и молясь посредством нее с энтузиазмом, свойственным молодому возрасту.

Розарий — сокровище, которое нужно открыть заново

43. Дорогие братья и сестры! Эта молитва так проста и в то же время так богата, что она действительно заслуживает того, чтобы христианская община заново открыла ее. Постараемся сделать это уже в текущем году, принимая это предложение как продолжение направления, данного в апостольском послании *Novo millennio ineunte*, которое вдохновило планы пастырских трудов многих отдельных Церквей на ближайшее будущее.

А особенно я обращаюсь к вам, дорогие собратья в епископстве, священники и диаконы, и к вам, исполняющим различные пастырские служения, чтобы, постигая на личном опыте все великолепие Розария, вы сами стали его усердными проповедниками.

Доверяю также и вам, богословы, чтобы в мудрых и методических рассуждениях, основанных на слове Божьем, чутком ко всему переживаемому христианским народом, вы помогали открывать библейские основы, духовное богатство и пастырскую ценность этой традиционной молитвы.

Я рассчитываю на вас, братья и сестры, посвященные Богу, призванные особым образом к созерцанию лика Христа в школе Марии.

Я обращаюсь к вам, братья и сестры, какое бы положение вы ни занимали; к вам, христианские семьи; к вам, пожилые и больные; к вам, молодые: *с упованием возьмите вновь в руки четки*, снова открывая их для себя в свете Писания, в гармонии с Литургией, в контексте повседневной жизни.

Пусть мое обращение не останется неуслышанным! В начале двадцать пятого года понтификата я отдаю это апостольское послание в руки Премудрой Девы Марии, *духовно простираясь ниц перед Ее образом в восхитительном санктуарии, построенном для Нее блаженным Бартоломеем Аонго, апостолом Розария*. Я с радостью повторяю его слова, которыми он завершает знаменитую *Мольбу к Царице Святого Розария*: «О, благословенный Розарий Марии, сладкая цепь, связывающая нас с Богом, средоточие любви, соединяющее нас с Ангелами, башня спасения от напастей ада, надежная гавань для терпящих кораблекрушение, мы никогда не оставим тебя. Ты будешь нашей опорой в час смерти. Тебе последний поцелуй угасающей жизни. И последним вздохом уст наших будет сладостное имя Твое, о Царица Розария, Мать наша дражайшая, Убежище грешников, о Владычица, утешающая скорбящих. Будь благословенна, сегодня и всегда, на земле и на небе».

*Дано в Ватикане, 16 октября 2002 года,
в начале двадцать пятого года
моего понтификата*